

МУСА ДЖАЛИЛЬ
ПАВЕЛ КОГАН
ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

ТОГДА БЫЛА ВЕСНА

Стихи поэтов, павших
на Великой Отечественной
войне

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т50

Т50 **Тогда** была весна. Стихи поэтов, павших на Великой Отечественной войне : [сборник] / Муса Джалиль, Павел Коган, Всеволод Багрицкий [и др.]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-17-165109-1 (С.: Эксклюзив: поэзия)
Серийное оформление и компьютерный дизайн
Я. Половцевой

ISBN 978-5-17-164597-7 (С.: Эксклюзив:
Русская классика)
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В сборник вошли лучшие стихи советских поэтов первой половины двадцатого века, погибших во время Великой Отечественной войны, таких как Павел Коган (автор знаменитой песни «Бригантина» на музыку Георгия Лепского), Муса Джалиль, Михаил Кульчицкий, Николай Майоров, Всеволод Багрицкий и другие.

На страницах книги вы найдете множество произведений не только о войне, но и о любви, дружбе — и просто о жизни.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Александр АРТЕМОВ

(1912–1942)

НАСТУПЛЕНИЕ

Пугливо метнулись вороны
Над врытыми в снег валунами.
Вся в оспинах черных воронок
Поляна легла перед нами.

Немного правей, у болота,
Где бой завязался, наверно,
Как дятлы, стучат пулеметы,
Упорно и чуточку нервно.

Мы прыгаем с кочки на кочку,
Ложимся, за ротою рта,
И ухаёт глухо, как в бочку,
За спинами бас миномета.

«Вперед!..» Поднимаемся молча,
Повзводно, готовые к бою.
Над нами тягуче, по-волчьи,
Снаряды бризантные воют.

Невидные лыжные тропы
К поляне ведут, а за нею
От едкого дыма темнеют
В пологих сугробах окопы.

До них недалеко. Мы снова
Встаем, ожидая приказа.
Короткое резкое слово
По ротам проносится сразу.

«В атаку!..» Четыреста глоток
«Ура!» понесли, подхватили
На скованных льдами болотах,
В наносах серебряной пыли.

Когда же надолго устали
Гранаты греметь,
Над штыками
Деревья, как пленные, встали
С простертыми к тучам руками.

1940

КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ

Едва приподнимутся флаги
Над ровною гладью залива
И дрогнут в зеленых глубинах
Прожорливых рыб плавники, —
Над берегом белые чайки
Вливаются стаей крикливой,
И, кончив последнюю вахту,
Мерцают вдали маяки.

Синеет высокое небо,
И солнце встает над водою.
Гонимые ветром проворным,
Туманы спускаются с круч.
Над городом в утреннем дыме
Пылает огромной звездой
В широких зеркальных витринах
Рассветный приветливый луч.

Мы снова на вахту выходим,
Плывем в голубое безбрежье,
В спокойное яркое утро,
В рассвет, что на море упал.
Мы видим, как по носу прямо
Дельфин заблудившийся режет
Спинным плавником заостренным
Ленивый шлифованный вал.

Мы в море уходим надолго,
И путь наш красив и завиден,
И мы ни о чем не жалеем,
И мы не грустим ни о ком.
И с нами прощается город,
Который мы снова увидим,
И машет нам берег весенний
Черемухи белым платком.

Свежеет погода, и ветер
В антенне назойливо свищет,
Туман наползает, и воет
У рифов тревожный ревун,
И чайки у берега кружат,
Садясь на пробитое днище
Кунгаса, что выброшен морем
На скалы в последний тайфун.

Но пусть поднимаются волны,
На палубу брызги роняя,
И ветер от края до края
Туман расстиляет седой,
Мы к вахтам тяжелым привыкли,
Мы ночью и днем охраняем
И нашу весеннюю землю,
И наши сады над водой,

И город, поднявший высоко
Багряные трубы заводов,
И узкие тихие бухты
С хребтами по трем сторонам,
И зелень полей урожайных,
И наши просторные воды,
И все, что зовется Отчизной,
Что близко и дорого нам.

1941

ДОРОГА ОТЦОВ

Походным порядком идут корабли,
Встречая рассветные зори,
И круглые сутки несут патрули
Дозорную службу на море.

За мыс Поворотный до мыса Дежнёв
На север идти нам в тумане.
Для наших судов быстроходных не нов
Охранный поход в океане.

Но в годы былые здесь шли наугад
Корветы в далекое плаванье,
Здесь, тихо качаясь, спускался фрегат
На дно Императорской гавани.

Здесь Лаптевы морем и берегом шли
На север, в просторы седые,
И в тундре для них маяками зажгли
Эвенки костры золотые.

Шли прадеды наши в белесом дыму
Меж северных льдов и утесов
И мерли, цинготные, по одному,
И море собирало матросов.

И море доселе их прах бережет
В подводных вулканах, на лаве.
Сердца наши голос прадедовский жжет
Призывом к победе и славе.

Здесь Беринг великий в полуночной тьме
Покоится рядом с морями,
И ржавые ядра на низком холме
Недвижно лежат с якорями.

Шли наши отцы по высоким огням
Созвездий дорогою млечной,
Они оставляли моря эти нам
Во власть и наследство навечно.

И нашим судам по заливу одним
В походы идти на рассвете.
Путями отцов мы идем, и по ним
Суда поведут наши дети.

Летит за кормой одинокий баклан,
И стаи проносятся чаек.
Идут корабли в голубой океан,
Зарю молодую встречая.

Мы знаем дорогу и ночью, и днем,
Наш компас проверен отцами.
Мы древним путем в океане идем —
Путем, завоеванным нами.

ПОЭТ

... умри, мой стих,
умри, как рядовой...

В. Маяковский

«Буржуйка» чадила опять нестерпимо,
Нисколько не грея, шипя и треща.
И копоть слоями лилового грима
Ложилась на лицах, бумагах, вещах.
В одиннадцать ночи принес телеграммы
С Восточного фронта рассыльный ему.
И сел он за стол,
Молчаливый,
Упрямый,
Почти задыхаясь в нависшем дыму.
И вот уже, ритма ловя нарастанье,
Приходит строка,
Беспокойна,
Строга,
И первые строфы прямым попаданием
Ложатся в далеких окопах врага.
А следом в развернутое наступленье,
Для сабельных рубок,
Для конных погонь
Рисунки резервным идут подкрепленьем,
Открыв по противнику беглый огонь,
Весомые, злые...
Поднялся, сутулясь,

Ладонями стиснул пылающий лоб,
— Довольно!.. —
На стыке заснеженных улиц
Горел подоженный рассветом сугроб.
И легкие,
Будто бумажные клочья,
И яркие,
Будто агитплакат,
К востоку от вдаль уползающей ночи
Летели раскрашенные облака.
Москва просыпалась обычно и просто.
А в мутных витринах,
Грозны и крепки,
Вставали дежурными «Окнами РОСТА»
Стихов,
Рядовых и бессмертных,
Полки.

СЛЕДЫ

Если на глади морской воды
Восстановить следы
Всех кораблей,
Сколько б морщин
Увидала ты на ней!
Сколько при свете полных звезд
Вновь бы легло борозд
Морю на грудь,
И каждое судно оставило б хвост
Длинный, как Млечный Путь.
Но море счастливо. Никогда
Следов не хранит вода,
Даже на берегу.
А я одного твоего следа
С жизни стереть не могу!
1941

О ВОЛНАХ

Когда вечереет, и закатное пламя
За морем вспыхивает реже и реже,
Ты видала, как волны припадают губами,
Розовыми и теплыми, к песку на побережье?
А когда над бухтой распустятся звезды
Пушистыми почками в вечер пахучий,
Слышала ты, как полнится воздух
Жалобой моря, что песок неуступчив?
Волны тоскуют легко и привычно,
Волнам не спится, волнам рокочется.
А песок молчит, и ему безразлично,
Очень ли морю на берег хочется.
Чуть шевелится, млея, огромное,
Будто не море, а заводь в корытце.
Но однажды вздрогнет, от страсти темное,
И берегу некуда будет скрыться.
И ты увидишь — такое близкое,
Оно налетит, громыхая, шалое,
Стиснет в объятьях, сомнет, и выласкает,
И уйдет, успокоенное и усталое.

1941

ЛЕСОВИК

Он под вечер приехал, зашел, посидел,
Трубку выкурил, новости рассказал,
И никто не заметил, что он поседел,
Что опутали густо морщинки глаза.
Говорил о зверье, убегающем в тьму,
О повадках козуль, о забавах лисят.
И мельком в разговоре сказал, что ему
По метрической выписи под шестьдесят.
Удивились ребята: — Да ты ведь старик,
Из тайги уходить бы пора по годам.
— Не могу, — отвечает, — я к лесу привык,
Я родился, и жил, и состарился там.
И пока выручает тайга старика,
Коли выйдет кабан или прынет коза,
Не откажет винтовка, не дрогнет рука,
И про слух бы плохого никак не сказал.
— Ну, а хворь нападет от людей в стороне?
Улыбнулся, прищурил с хитринкою глаз:
— Я, ребятки, кремневой породы, и мне
Умирать не от хвори придется, а враз.
И тогда в одночасье не станет кремня... —
Пошутил, даже песню с парнями пропел,
А под утро, навьючив мешки на коня,
Он опять в чернолесье ушел по тропе.
И сказал лесоруб: — Сколько он ни старей,
Ни к кому не пойдет из тайги на поклон.
Чем ни больше дробится кремень, тем остреей
И, пожалуй, упорней становится он.

1940

Всеволод БАГРИЦКИЙ

(1922–1942)

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Почему же этой ночью
Мы идем с тобою рядом?
Звезды в небе — глазом волчьим...
Мы проходим теплым садом.
По степи необозримой,
По дорогам, перепутьям...
Мимо дома, мимо дыма
Узнаю по звездам путь я.
Мимо речки под горою,
Через южный влажный ветер...
Я да ты, да мы с тобою.
Ты да я с тобой на свете.
Мимо пруда, мимо сосен,
По кустам, через кусты,
Мимо лета, через осень,
Через поздние цветы...
Мы идем с тобою рядом...
Как же вышло? Как поймешь?
Я остановлюсь. Присяду.
Ты по-прежнему идешь.
Мимо фабрики далекой,
Мимо птицы на шесте,
Мимо девушки высокой —
Отражения в воде...

1938

* * *

Отчего же дым над городом,
Тишина и голубое небо...
Тополей раздвоенные бороды
И больших домов ковриги хлеба.
Почему, разбитая, усталая,
В этот мир, кричащий про тоску,
Ты вошла зеленая и алая,
И на все упал твой взгляд вокруг!
И тебе воздали на гармонике,
Ты вошла в смычок, орган и бубен,
Все твердило жалобно и тоненько:
Любит, любит, любит.
И тебя назвали Афродитой,
Сделали твое изображение,
И твой памятник, из мрамора отлитый,
Вызывает страсть и вдохновение.
Стороной проходит время мимо,
Ты стоишь и видишь пред собой
Байроновский плащ неколебимый,
Пушкина с протянутой рукой.

1938